

РАСПЛАТА

Илья ЭРЕНБУРГ

Немецкий генерал авиации Кваде напечатал в газете „Мюнхенер неистеке нахрихтен“ статью под названием „Этика воздушной войны“.

В сентябре 1939 года генерал Кваде лихо рывкал: „Наша авиация показала жителям Варшавы, что значит мощь Германии“.

В январе 1941 года генерал Кваде ухмылялся: „Еще десяток хороших налетов, и англичане сдадутся на милость победителя“. Генерал говорил: „Мы можем ковенентризовать всю Англию“ — немцы тогда создали новый глагол „ковентризовать“ — от названия города Ковентри, где погибли тысячи невинных.

Летом 1941 года генерал Кваде писал, что бомбы летчиков помогли немецкой армии быстро взять Могилев и Гомель.

В 1942 году генерал Кваде упивался немецкими летчиками, которые терзали прекраснейший город мира — Ленинград. Генерал Кваде аллодировал бомбам. Разрушен Воронеж? Bravo! Сожжены Ливны? Восхитительно! Пылает Сталинград? Божественно!

Тогда генералу было не до этики. Но вот он перед нами в новом амплуа. Он вытирает фуляром глаза, он меланхолично смеется. Он сокрушенно пишет: „Воздушные бомбардировки городов противны законам этики“. Этот воздушный громила стал овестью.

Гитлеровцы любят бомбить, они не любят, когда их бомбят. Немцы притихли, когда на города Германии стали падать бомбы в двести кило. Когда посыпались бомбы в тонну, немцы начали стонать и думать об этике. Ознаменовавшись с музыкой четырехтонных фугасок, немцы взывали, а генерал авиации Кваде занялся вопросами морали.

В городе Оснабрюке проживал Карл Вейман, владелец литейного завода. Еще недавно он веселился: Ковентри? Го-го! Киев? Ги-ги! Он деловито писал: „Мы получили 5 французских, из которых один сбежал, но тут же был пойман, а также 7 русских в возрасте от тринадцати до восемнадцати лет“. Рабовладелец Карл Вейман думал о барышах. Но на Оснабрюк посыпались бомбы. Карл Вейман пишет: „К счастью, мои родители были в подвале. Однако ужасный вид разрушенного предприятия так подвешивал на моего отца, что с ним сделалось нервное потрясение, от которого он тихо скончался“.

Мы слишком долго читали письма гитлеровцев, в которых они философствовали, ухмылялись, цитировали Ницше и сравнивали украинское сало с нормандским маслом. Приятно теперь почитать другие письма, в которых немцы и немки воют. Фрау Гайштер, проживающая в Берлине, пишет на фронт своему супругу: „Когда едешь трамваем в Штеттинг или Вильмерсдорф, можно подумать, что едешь по Сталинграду“. Они рассчитывали уничтожить города за тысячи верст от Германии, а у себя вызвать набрюшники и пожирать „трофей“. Теперь немка в Берлине вспоминает о Сталинграде. Но Сталинград отстраивается, а Берлин уничтожается и будет уничтожаться.

Как выглядят главные города Германии по свидетельству самих немцев и немок? Цитирую отрывки из писем:

„Западная часть Берлина напоминает фронт. Есть много улиц, на которых не уцелело ни одного дома. Вильмерсдорф у нас называют „Содоном и Гоморрой“. Дома рушились, как карточные домики. Сегодня — два дня спустя — еще бушуют пожары“.

„Жуткая ночь... Мюнхен выглядит, как поле боя. Больше всего пострадали северо-западные кварталы. От Людвигсштрассе не осталось и следа“.

Нюрнберг (420 тысяч жителей): „Они ужасно похозяйничали. Куча развалин вместо города. Они попали в почту, в вокзал, во многие заводы... Ночью было светло, как днем. Ужас!“.

Штутгарт (430 тысяч жителей): „Наша гордость — вокзал уничтожен. Заводы, дома — все это обращено в мусор. Многие лишились

рассудка, я уж не говорю о тех, которые лишились имущества и крова“.

Дюссельдорф (440 тысяч жителей): „Когда эти „чушки“ падают, они сметают все наголо. Воздушные мины разрыгают начисто дома... Центральная часть города в основном разрушена... Сгорели ратуша, здание суда, вокзал...“

Дюссельдорф (520 тысяч жителей): „Это был тотальный налет. Это было просто истребление... Разрушен главный вокзал, на многих улицах не сохранилось ни одного дома... О заводах я писать не могу. Да и бумаги на все не хватит“.

Кельн (780 тысяч жителей): „Кельн можно скорей назвать воспоминанием, чем городом. Я прохожу и вспоминаю — здесь была улица, кино, куда мы с тобой ходили, магазин Рамке, „Белый олень“...“

Эссен (660 тысяч жителей): „Ты просишь написать, что они разрушили. Это невозможно, легче было бы перечислить, что уцелело. Твоя женушка еще жива, а это рассматриваю, как чудо... Я видела в кино русские города, теперь и у нас так...“

Бахум (320 тысяч жителей): „Я никогда не думал, что так можно все снести. Это походило на последнюю ночь Помпеи...“

Кенигсберг (340 тысяч жителей): „Наш город начинает напоминать Западную Германию... Русские зачастили... У тети Мины на почве налетов нервное заболевание...“

В Германии 20 городов с населением, превосходящим триста тысяч жителей. Из этих 20 городов 16, по признанию немцев, напоминают поле боя. Причем письма написаны зимой или ранней весной (март 1943). После майских и июньских бомбардировок города Германии еще явственней стали походить на руины.

Особенно приятно встречать в письмах упоминания об уничтожении фашистских гнезд. Так, например, в Нюрнберге, этой „святыне“ гитлеровцев, сгорел „Коричневый дом“. В Мюнхене справедливая фугаска попала в здание самой подлой газеты мира „Фелькшнер беобахтер“.

Я видел, как достойно вели себя во время воздушных налетов люди разных народов — в Мадриде, в Париже, в Москве. Фашизм выжиг из сердец человеческое достоинство. Иначе не объяснишь того звериного воя, которым полны письма немцев и немок:

„Франц Майер вчера снова просидел весь вечер в подвале, хотя никакой тревоги не было. Все люди рехнулись, бегут, сломя голову... Теперь в убежище пускают только стариков свыше 60 лет“.

„Это ужас! Ганс сидит над картой и все выискивает, куда можно уехать. Но дядя говорит, что, во-первых, меня не отпустят, а, во-вторых, спокойного города вообще нет“.

„К нам приехала семья Шнурре из Любека, и как раз в эту ночь был налет на Мюнхен. Можешь себе представить, что с ними было! Впрочем, и мы держались не лучше...“

„Можешь себе представить, какой страх и ужас господствуют повсюду“.

„Владелец обувного магазина на Гитлерштрассе в панике не заметил девочку Хаазе и раздавил ее. Такое несчастье!“.

„Доктор нашел у меня острый колит на почве бомбардировок. Я теперь не перевариваю никакой пищи“.

„Мне даже снится теперь исключительно налеты. Папа во-

обще переехал в подвал. А Шрамке, как только объявляют тревогу, ложится на землю, и у него вроде судорог — он задирает вверх ноги. Я спрашиваю себя, когда же кончится этот ужас?“

Да, весной 1943 года им захотелось конца. Но для них это только начало. Сорок пять месяцев они хладнокровно разрушали Европу. Теперь они начинают кричать: когда же это кончится? Это кончится вместе с ними. Это кончится, когда кончатся грабители, поджигатели, рабовладельцы, детоубийцы и вешатели. Это кончится, когда они все, по примеру Шрамке, лягут на землю и задрывают ногами.

Они больше не верят своим защитникам. Немка пишет из Аугсбурга: „В тот день здесь были сменены все зенитчики. Осталось только несколько человек. Поэтому они могли без помехи сбросить свои бомбы. Мы подозреваем, что это было предательство“. Другая немка из Гельзенкирхена докладывает: „Говорят, что у нас летчики итальянцы и румыны, а зениток стоят военнопленные, поэтому нас так легко бомбят...“

Они начинают сомневаться в своем фюрере. Какая-то расхрипавшаяся Лина пишет из Карлсруэ: „Трудно понять, как фюрер допускает нечто подобное? Лине невдомек, что фюрер может быть относится к фугаскам точь в точь, как она...“

Они начинают понимать, что означают воздушные налеты. Рудольф Шейер пишет: „Хоть бы кончились эти налеты расплаты! Так впервые рука немца выписывает роковое слово: расплата. Они начинают понимать, что сорок пять месяцев занесены в списки, что вопиет кровь детей Лондона, Варшавы, Белграда, Ленинграда, что происходит — это прежде всего акт правосудия“.

Мы знаем, что одними воздушными бомбардировками не сломить Германии. Это только ускорит. Это только судебная повестка. Суд идет, и суд — это пехота. Мы знаем, что Сталинград, Дон, Касторное, Туни поколебали стены Германии больше, чем все фугаски. Но с глубоким удовлетворением мы читаем сообщения о воздушных бомбардировках немецких городов: человек не может жить одним разумом, у человека есть сердце, и сердце возопиет, когда мы слышим о справедливой каре. Наши командиры и бойцы, герои зимнего наступления, истребившие сотни тысяч насильников, с облегчением читают телеграммы о гибели немецких содомов и гоморр. Мы помним, как пылал несчастный Гомель. Мы помним горе Калинин, Старицы, Торжка. Мы знаем, что значит одно слово: Ленинград. И мы благословляем хорошие, увесистые фугаски. Мы вправе говорить о великой этике воздушных бомбардировок. Справедливее всех слов в всех проповедей те бомбы, которые теперь каждую ночь падают на города фашистской Германии.

Генерал Кваде слишком поздно вспомнил о морали: трудно после четырех лет волчьего промысла сойти за ягненка. Генералу авиации предоставляется выбор: или погибнуть от добротной бомбы, или аккурратно на судебном заседании ответить за разрушение Европы. Пусть выбирает он, и пусть выбирает Германия.

Генерал Кваде слишком поздно вспомнил о морали: трудно после четырех лет волчьего промысла сойти за ягненка. Генералу авиации предоставляется выбор: или погибнуть от добротной бомбы, или аккурратно на судебном заседании ответить за разрушение Европы. Пусть выбирает он, и пусть выбирает Германия.

Генерал Кваде слишком поздно вспомнил о морали: трудно после четырех лет волчьего промысла сойти за ягненка. Генералу авиации предоставляется выбор: или погибнуть от добротной бомбы, или аккурратно на судебном заседании ответить за разрушение Европы. Пусть выбирает он, и пусть выбирает Германия.

Генерал Кваде слишком поздно вспомнил о морали: трудно после четырех лет волчьего промысла сойти за ягненка. Генералу авиации предоставляется выбор: или погибнуть от добротной бомбы, или аккурратно на судебном заседании ответить за разрушение Европы. Пусть выбирает он, и пусть выбирает Германия.

Генерал Кваде слишком поздно вспомнил о морали: трудно после четырех лет волчьего промысла сойти за ягненка. Генералу авиации предоставляется выбор: или погибнуть от добротной бомбы, или аккурратно на судебном заседании ответить за разрушение Европы. Пусть выбирает он, и пусть выбирает Германия.

Генерал Кваде слишком поздно вспомнил о морали: трудно после четырех лет волчьего промысла сойти за ягненка. Генералу авиации предоставляется выбор: или погибнуть от добротной бомбы, или аккурратно на судебном заседании ответить за разрушение Европы. Пусть выбирает он, и пусть выбирает Германия.

Генерал Кваде слишком поздно вспомнил о морали: трудно после четырех лет волчьего промысла сойти за ягненка. Генералу авиации предоставляется выбор: или погибнуть от добротной бомбы, или аккурратно на судебном заседании ответить за разрушение Европы. Пусть выбирает он, и пусть выбирает Германия.

Генерал Кваде слишком поздно вспомнил о морали: трудно после четырех лет волчьего промысла сойти за ягненка. Генералу авиации предоставляется выбор: или погибнуть от добротной бомбы, или аккурратно на судебном заседании ответить за разрушение Европы. Пусть выбирает он, и пусть выбирает Германия.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ 22 ИЮНЯ

В течение ночи на 22 июня на фронте ничего существенного не произошло.

На ЗАПАДНОМ фронте минометчики Н-ской части совершили налет на скопление противника и уничтожили не менее 50 гитлеровцев. За несколько дней снайпер т. Зав истребил 11 немцев, красноармеец т. Раджабов — 4, снайперы лейтенант т. Романенко и красноармеец т. Дусматов уничтожили по 6 немцев каждый.

В районе БЕЛГОРОДА группа бойцов под командованием гвардии лейтенанта т. Пантелева переправилась через реку Северный Донец в расположение противника, и захватив пленного, без потерь вернулась в свою часть.

Нашими летчиками в воздушных боях сбито 5 немецких самолетов.

Севернее ЧУГУЕВА наши подразделения уничтожили 2 немецких самоходных пушки, разрушили ДЗОТ и 4 блиндажа. Артиллеристы Н-ской части обстреляли колонну вражеской пехоты. Артиллерийским огнем рассеяно и частично уничтожено до двух рот гитлеровцев.

Южнее БАЛАКЛЕИ наше боевое охранение заметило группу немецких солдат, переправлявшихся на левый берег Северного Донца. Советские бойцы выжидали пока гитлеровцы вышли на берег, а потом окружили и уничтожили немецких разведчиков.

Наша авиация наносила удары по железнодорожным станциям, находящимся в тылу противника. В результате бомбардировки возникло 8 очагов пожара и произошло два сильных взрыва.

На КАРЕЛЬСКОМ фронте артиллеристы и минометчики Н-ской части разрушили 2 вражеских ДЗОТ, 3 наблюдательных пункта и подавили огонь нескольких артиллерийских и минометных батарей. Группа разведчиков под командованием лейтенанта т. Горобченко совершила рейд в тыл противника. Наши бойцы уничтожили до 20 белофиннов, разведали огневые позиции противни-

ка и благополучно вернулись в свою часть.

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Украины, из засады обстрелял двигавшуюся по шоссе немецкую автоколонну. Убито до 50 солдат и офицеров противника. Подорывники из отряда имени Чанавая, действующего в Барагоянской области, пустили под откос немецкий эшелон. Разбиты паровоз и 31 платформа с танками и автомашинами.

Перешедший на сторону Красной Армии ефрейтор 166 немецкого пехотного полка Рихард Н. рассказал: «В прошлом году при упоминании о втором фронте многие немцы солдаты, как полука, повторяли вслед за газетами, что англо-американские войска не смогут высадиться в Европе. Теперь, когда речь заходит о втором фронте, никто уже не улыбаются. Солдаты понимают, что после того, как Германия потерпела поражение в Северной Африке, в любой день можно ожидать вторжения англо-американских войск. Многие солдаты говорят, что Германия расплатит свои силы и будет разгромлена. Больше всего беспокоит солдат вопрос: удастся ли им в целости убраться из России».

Советские граждане, бежавшие из фашистского плена, рассказали о зверствах немецких людоедов в Донбассе. В гор. Красный Луч, Амвросиевском, Чистяковском и других районах оккупанты издали приказ об обязательной явке всех жителей от 15 до 55 лет на сборный пункт для отправки в Германию. Многие советские граждане всачески уклонялись от явки. Гитлеровцы устроили массовые облавы, в домах и на улицах хватали мужчин, женщин и подростков. Аресты сопровождалась жестокими избиениями и расстрелами.

Отв. редактор М. ПАВЛОВ.

КИНОТЕАТР им. ЩЕПКИНА
ул. Дзержинского, 51,
сегодня и ежедневно
звуковой художественный фильм

АНТРИСА

Репортаж с фронтов
Отечественной войны СЖ № 17
Нач. сеансов:
13—30, 15—30, 17—30, 19—20.
Касса открыта с 10 ч. утра.

КИНОТЕАТР „С М Е Н А“
ул. Кирова, 3,
сегодня и ежедневно
звуковой художественный фильм

БЕСПРИДАННИЦА
СОЮЗКИНОЖУРНАЛ

Нач. сеансов: в 13, 15, 17, 19.
Касса открыта с 11 часов.

ПОЧТОВАЯ КОНТОРА НАРКОМСВЯЗИ
производит почтовые операции в городских отделениях связи:

по улице Чумаковской, дом № 8—1-е городское отделение
по улице Садовой, дом № 19—3-е городское отделение
по улице Ленина, дом № 98—4-е городское отделение
по улице Дзержинского, дом № 4—5-е городское отделение
по улице В. Луговая, дом № 28—6-е городское отделение
по улице Энгельса, дом № 115—7-е городское отделение
по улице В. Луговая, дом № 126—8-е городское отделение
по улице Островского (Кировский поселок), дом № 12—9-е городское отделение.

ВЫДАЧА ПЕРЕВОДОВ И ЦЕННЫХ ПИСЕМ ПО ИЗВЕЩЕНИЯМ
производится специально в 5 городском почтовом отделении по улице Дзержинского, 4.
Выдача корреспонденции до востребования, адресованной — Курск, почтамт производится в 3-ем почтовом отделении по улице Садовой, 19.

Все отделения работают с 8 до 18 часов ежедневно.
Курская почтовая контора.